

Андрей Евграфович Малов
Протоиерей Ташкентского собора
(Биографические очерки)

Составила Л.Симонова (*Хохрякова*), преподаватель Ташкентской женской гимназии
Ташкент.

Типография Бр. О. и Г. Порцевых.
1890 г.

Верю побеждали царства, творили правду,
получали обетования, заграждали уста львов,
угашали силу огня, избегали острия меча,
укреплялись от немощи, были крепки на войне,
прогоняли полки чужих. (Посл. к Евр. гл. XI, 33, 34).

15-го июня 1865 года горсть русских храбрецов явилась под стенами азиатского Ташкента и водрузила здесь свое знамя. Вынося всевозможные лишения, жертвуя жизнью, герои наши, ценою собственной крови, положили основание русской колонизации в Средней Азии и обеспечили настоящим мирным деятелям в крае и кров, и хлеб-соль, и безопасность их трудов на новой ниве. В сердце древней Ташкении рядом с азиатским городом, возник русский Ташкент, превратившийся в какие-нибудь двадцать пять лет в обширный и благоустроенный город.

Красавец-Ташкент своим существованием обязан нашим героям-завоевателям, а между тем, как мало их осталось среди нас! Всего несколько человек старых почтенных ветеранов переживают здесь с нами юбилейное торжество двадцатипятилетия завоевания Ташкента. Одни из них после тяжких трудов обрели вечный покой — мир праху их! Другие, как-бы исполнив взятую на себя миссию, рассеялись в разные концы России — пусть примут они наши поздравления и лучшие пожелания.

Честь и слава тем, которые, завершив дело завоевания, остались в Туркменистанском крае поработать на пользу внутреннего развития и благоустройства. Они нам особенно близки и дороги! Мы привыкли чтить в них не только современных нам деятелей, но и героев, ореол славы которых еще свеж в памяти. К числу последних принадлежит, убеленный сединами, семидесятипятилетний старец, протоиерей Ташкентского собора, Андрей Евграфович Малов, прошедший с крестом в руках впереди войск от Перовска до Ходжента, и в Хиву, и на Алай. Очевидцы и участники завоевания Ташкента указывают на о. Малова, как на одного из главных деятелей покорения этого города.

В.Н.Зайцев в своей «Истории 4-го Туркестанского линейного батальона», говорит: «В числе первых полезли на стену (Ташкента) ротмистр Вульферт, поручик Шорохов и священник о. Малов.

В «Воспоминаниях полковника Сяркового, (печатающихся в «Военном Сборнике») находим: «В одной из улиц Ташкента вижу: о.Малов с крестом в руках, с ним две пушки и несколько солдат...».

26 Февраля 1889 года минуло полвека службы Андрея Евграфовича в сане священника.

Встретив впервые подобный тип, тип священника-воина, я собрала несколько эпизодов из военно-походной жизни почтенного ветерана, а личное знакомство с глубокоуважаемым протоиереем дало мне возможность пополнить материалы документальными сведениями, воспоминаниями и рассказами самого Андрея Евграфовича и помогло расположить их в хронологическом порядке.

Сведения эти были напечатаны в одном из современных изданий [2] а празднуемый нами юбилей двадцатипятилетия взятия Ташкента, послужил поводом для издания их отдельною брошюрою.

I.

В 1815 году, в г. Бугульме, Самарской губернии, у священника Евграфа Малова, родился сын Андрей. Серенькое, заурядное детство свое Туркестанский герой провел в доме отца, и этот период жизни Андрея Евграфовича не дал ему каких-нибудь особенных впечатлений. Десяти лет он был отведен в Оренбургскую, ныне Уфимскую, духовную семинарию. В то время, по словам самого Андрея Евграфовича, здание для семинарии еще не было построено, и юноши первый корень учения приобретали в сараях, терпя холод и разного рода неудобства. Семинарские преподаватели и воспитатели первой трети XIX столетия отличались суровостью и нравственные чувства внедряли своим воспитанникам порками. «Чуть кто не так взглянул, — говорит о. Андрей, — и слышно: «К печи!». Ну уж все и знают, что это значит?!». Суровое воспитание закалило юношу и как бы подготовило к будущности, исполненной самоотвержения, неусыпных трудов и отваги.

В конце двадцатых и в начале тридцатых годов уже зрела идея о необходимости усмирения степных инородцев, нападавших на наши селения и отводивших русских пленных в рабство в Бухару, Коканд и Хиву. Жители восточных окраин Европейской России и слышали рассказы о жестокости киргизов, туркмен и других и сами бывали очевидцами возмутительных поступков со стороны степняков. Слухи и толки проникали и в духовную семинарию и влияли на молодые, отзывчивые натуры воспитанников. Юноша Малов почувствовал стремление к военной службе. Семинаристы часто говорили о предстоящем походе в степь и, вероятно, Андрей Евграфович высказывал суждения недюжинные или был сторонником энергических и решительных мер, что товарищи прозвали его «генералом». Прозвище это сохранилось за ним до самого выпуска. Окончив курс в 1838 году, молодой человек открыл свое желание поступить в военную службу отцу, но встретил твердый отпор. Отец Евграф и слышать не хотел о воинственных наклонностях сына. Он требовал, чтобы сын оставался в духовном звании и был ему преемником. Целый год длились переговоры, — сын просил согласия и выжидал, отец настаивал на своем. Время было горячее. Оренбургский линейный 4-й батальон выступал в Орскую крепость. О. Евграф, опасаясь со стороны сына решительного шага, пригрозил ему гневом и отчуждением. Доброе сердце и мягкость характера молодого человека сказались во всей силе, сыновние чувства взяли перевес над всем остальным. Андрей Евграфович уступил: «Мне жаль было огорчить старика отца» — говорит он.

В 1839 году русские войска отправились в Хиву с целью наказать грабителей и освободить наших пленных, а молодой Малов был рукоположен епископом Иоаникием в стан священника и назначен в село Бережные Челны (Уфимской Губернии). В 1840 году молодой пастырь был переведен в село Матвеевку Мензелинского уезда, где пробыл десять лет, а затем получил место священника при Мензелинском соборе и был назначен благочинным церковью этого уезда. Кроме своей пастырской деятельности, о. Малов нес труды и в другой сфере: он был учителем в приходском училище и законоучителем в уездном. Со своего скромного поста о. Малов следил за движением русских войск в глубь Азии и радовался успехам русского оружия. Порою он мысленно переносился в степь. Как-то мелькнуло в нем желание быть полковым священником, но забота о жене и дочери изгладилла желание и мало-помалу личные воинские наклонности улеглись, их заменили сознание долга, строгое исполнение своих обязанностей, душевный покой и мирная семейная жизнь. «Так бы оно шло, может быть, и до сих пор, — говорит о. Андрей, — если бы в жизни моей не совершился крайний перелом — Господу Богу угодно было послать мне испытание. Я овдовел,

почувствовал себя одиноким — и сильно грустил. В это время, в 1856 году, русские взяли Ак-Мечеть и преобразовали его в форт Перовский. Потребовался городской священник, вызывали желающих. О. Малов тотчас же принял это место и, взяв с собою единственную дочь свою, [3] окончившую курс в женском духовном училище, отправился в новый край. В форт Перовский о. Малов прибыл под давлением чувства одиночества и тоски и некоторое время дичился чуждого ему общества офицеров, но они так дружески отнеслись к нему, что вскоре и он полюбил их как братьев, как товарищей. Ему минуло тогда 41 год. За свою полезную деятельность в прежнем месте служения он был награжден набедренником и имел бронзовый крест в память войны 1853-1855 гг. на Владимирской ленте. В Перовском же получил фиолетовую бархатную скуфью.

Первые годы служения в новом форте служили как-бы продолжением прежней службы. О. Малов был городским священником и преподавателем в приходской и в фейерверкерской школах и дни его мирно текли. Он мог всецело отдаваться своим обязанностям, тем более, что дочь его, вскоре по приезде в Перовск, вышла замуж. Но вот наступил 1862 год, положивший в жизни о. Малова неизгладимую черту. Мелкие стычки с киргизами и кокандцами, нападавшими на наши отряды по всем линиям, указывали на небезопасность дорог; шайки грабителей порою отбивали наш провиант. Следовало очистить пути сообщения и обезопасить доставку продовольствия. На военном совете решено было выслать отряд по Туркестанской дороге, к крепости Динь-Курган. О. Малов вдруг почувствовал желание сопутствовать отряду; в нем пробудилась готовность делить труды и опасности войск, нравственно поддерживать упдающих духом, напутствовать умирающих, благословлять рвущихся вперед. Андрей Евграфович не ошибся в своем призвании. Рассказывают, что он был велик своею нравственною силою и имел громадное влияние на войска. Лица, помнящие старые времена, передают, что после двух-трех сражений солдаты до того уверовали в о. Малова, что считали себя непобедимыми, если он был среди них. Они говорили: «Идем братцы, победа наша, батюшка Малов с нами!».

II.

9-го января 1862 года, о. Малов впервые сел на коня. Отряд состоял из 500 человек 4-го Оренбургского линейного батальона и 300 Уральских казаков при 10 орудиях; им командовал генерал-лейтенант Дебу. «Помню, — рассказывал о. Малов, — что тогда морозы были страшные, на перевалах, бывало, стакан с чаем в руках прыгает, расставленные предметы к земле примерзают». 18-го числа отряд остановился саженьях в полутора от неприятельского пункта. Глазам Андрея Евграфовича представилась небольшая крепостца, окруженная толстою стеною. С большим вниманием и тревогой следил он за работами по закладке батареи, длившимися более суток.

Во все время этих работ со стен Динь-Кургана слышались пушечные выстрелы. Утром 20-го числа началось бомбардирование крепости. Начинало светать; темною линиею и темными пятнами на снежной равнине представлялась наша батарея и лагерь; мороз, казалось, усилился. В тревоге за исход дела и за участь действующих лиц о. Малов решил-было оставаться на перевязочном пункте, но грохот пушек, выстрелы и свист пуль всколыхнули его и подняли, со dna какого-то отдаленного тайника души его, всю отвагу юности. «Сам не знаю как, — говорит о. Малов, — я очутился впереди первой линии и зажил одною жизнью с артиллеристами». Внимание его то приковывалось к действию наших орудий и тому пункту, куда были направлены пушечные выстрелы, то останавливалось на лицах бойцов первой линии, в выражении которых он читал сокровеннейшие мысли и чувства. Алая заря ударила в неприятельскую стену, алый огонек вспыхивал за стеною и быстро угасал. Высоко подняв крест о. Малов ходил по линии перед орудиями, благословлял солдат и ободрял их; для каждого находились у него слова надежды и веры: для каждого поднятый крест

сделался символом победы, раненым давал бодрость духа, умирающим служил залогом вечного блаженства в иной жизни. Часы летели, солнце поднялось высоко и обливало своими лучами белую степь, толстые стены Динь-Кургана и кучу русских людей, проникнутых героическим духом. «Пули свистят, — рассказывает о. Малов, — то справа, то слева, то над головой, то где-то вдаль, мороза не чувствуется, о пище и отдыхе думать не время».

Ждали вылазки, но ее не было, только со стен бухали ответные выстрелы. Осажденные стойко держались, осаждающие твердо достигали цели. Дневной свет погасал, наступали сумерки, артиллерия наша продолжала свое дело, предвидя, что наступает конец. Стена затрещала и дала брешь, а в ней наши ясно увидели подбитое неприятельское орудие.

В воздухе раздалось: ура! Солдаты кинулись на приступ, имея впереди тот же спасательный крест, поднятый рукою о. Малова...

Крепость Динь-Курган была взята штурмом.

За отлично-усердную службу о. Малов был награжден орденом св. Анны 3-й степени.

Занятие Динь-Кургана хотя и припугнуло грабителей, бродивших по дорогам, но не обеспечивало положение русских в форте Перовском. В виду сильных крепостей, подвластных кокандскому хану, Туркестану, Чимкенту и Ташкенту, стягивавших внушительные силы и подстрекавших фанатизм мелких шаек, положение становилось опасным. А потому, в 1864 году, предпринят был поход в Туркестан. Оценив полезную деятельность о. Малова при взятии крепости Динь-Курган, генерал Веревкин (тогда полковник) пригласил его сопутствовать войскам в новом походе. Здесь трудов было положено несравненно более, чем в первом походе. Войска, не доходя еще до Туркестана, должны были выдержать несколько битв с кокандцами, намеревавшимися то преградить путь к крепости, то отрезать их от Перовска, да и самый город представлял большие затруднения. Приходилось одновременно бомбардировать его и биться с неприятельскими войсками, делавшими вылазки. О. Малов был истинным вдохновителем солдат, не оставлявшим их в самые критические минуты. Туркестан был взят 12 июня.

Андрей Евграфович «за ободрение солдат под огнем неприятеля при осаде Туркестана, а также за труды его под тем же огнем на перевязочном пункте, Всемилостивейше награжден орденом св. Анны 2-й степени с мечами».

III.

В Туркестан вскоре прибыл полковник Черняев, принял командование отрядом, назначенным для движения к Чимкенту, выступил с ним и взял город. Малову, оставшемуся некоторое время в Туркестане, надлежало воротиться в форт Перовский, к своему посту городского священника, но призвание влекло его дальше, вперед, а не назад. После небольшого раздумья: что делать? Андрей Евграфович решил внутри себя, в Перовск не возвращаться. Он сел на коня и в сопровождении одного только солдата, по дороге весьма небезопасной, прискакал в Чемкент, к М.Г. Черняеву, который и принял его с распростертыми объятиями. Этот шаг вызвал перевод о. Малова из форта Перовского в 4-й Туркестанский линейный батальон, находившийся в боевом походном положении, священником походного храма св. Александра Невского. Это было весной 1865 года. «Наступала Пасха, служить было нельзя, за неимением антимиаса, поэтому мне пришлось съездить верхом в г. Верный за антимиасом», — так скромно говорит Андрей Евграфович об этом своем поступке. Другие же рассказывают: «Чтобы не оставить войска без пасхальной службы, неутомимый, бесстрашный о. Малов с двумя казаками слетал за семьсот верст за антимиасом и, не отдыхая вернулся в Чекмент, да еще по дороге ночевал у какого-то степного разбойника, который для него барана зарезал и предложил ему братски поменяться

лошадьми!» — «Вернулся я, — говорит о. Малов, — и к общей радости пасхальные службы справил и разговелись мы по-христиански, а тут и раздался барабанный бой, мы выступали к Ниязбеку».

Главную идею, озабочивавшую Михаила Григорьевича Черняева, было завоевание Ташкента. Времени терять было нельзя, так как распространился слух, что бухарский эмир, желая воспользоваться неудачами кокандского хана в войнах с русскими, задумал выслать многочисленные войска для занятия Ташкента. Генералу Черняеву следовало предупредить прибытие бухарцев. Но прежде чем решиться идти прямо на Ташкент с малочисленным отрядом, генерал положил занять крепость Ниязбек, владевшую, как сообщил ему, жителями Ташкента, чтобы поставить сильный и многолюдный город в зависимое положение от этой крепости. Ниязбек находился в 27-ми верстах к северо-востоку от Ташкента, на берегу реки Чирчика. Он построен был на ровной местности, в вид четырехугольника; с трех сторон обведен рвом, четвертою примыкал к реке; стены, окружавшие Ниязбек, были у основания до пяти сажень толщиной: по углам крепости возвышались башни. Высокий вал и ров дополняли внешний вид укреплений. В башнях и в два ряда вдоль стен были устроены бойницы. Дело здесь было жаркое. По словам лиц, знающих в подробности взятие Ниязбека, генерал Черняев к одной части крепости, казавшиеся наиболее слабою, решил послать охотников. Их повел о. Малов [4].

В посмертных записках Полковника Сяркового скончавшегося 13-го сентября 1889 года, мне удалось прочитать: «Мне с ротою пришлось идти в арьергарде охотников. Впереди их *по обыкновению был* о. Малов. Он ехал на белой лошади, был в светлой одежде и держал высоко крест, который так блестел на солнце, что и со своей стороны казался солнцем». О. Малов первым спустился в ров и первым взобрался на вал. Но горсть храбрецов была встречена градом пуль и камней. Часть их попадала в ров убитыми, часть убежала. О. Малов остался один и не замечал этого. Он был гневен: правою рукою поднимал крест, — левою грозил бусурманам. В таком положении застал его один из охотников, который побежал, было, но воротился, чтобы спасти любимого священника. Он оттащил его от опасного места. Взятие Ниязбека, вообще, оказалось гораздо затруднительнее, чем думали. Осажденные были стойки и смелы до дерзости, они ждали подкрепления из Ташкента и не ошиблись. Нашему отряду пришлось разделиться: одна часть бомбардировала крепость, другая — отправилась навстречу войску, вышедшему из Ташкента. Подкрепление это было отброшено самим генералом Черняевым, после чего части отряда опять соединились, и Ниязбек был взят 28 апреля 1865 года. О. Малов был награжден орденом св. Владимира 4-й степени с мечами.

В следующем месяце, Андрей Евграфович участвовал в рекогносцировке города Ташкента. 8-го мая отряд занял позицию в 8 верстах от Ташкента, на холме, в урочище Сары-Тюбе, и тут ночевал. 8-го же числа из Коканда в Ташкент прибыл мулла Алимкуль с 6000 войска, при 40 орудиях. Относительно этой рекогносцировки личные воспоминания Малова таковы: «На рассвете 9 числа, — рассказывает он, — вздумали мы напиться чайку, а затем быстро приступить к делу. Как вдруг в лагерь летят разрывные снаряды; в палатку Михаила Григорьевича влетел осколок и подле самого генерала расщепил дерево. В нашей палатке осколок в дребезги разбил только что налитый мне стакан чая; другой черепок пролетел между мною и одним офицером и пробил палатку. Оказалось, что нас предупредили: мулла Алимкуль, популярный у кокандцев ученый и воин, со своим войском и пушками вышел из Ташкента с целью разбить и рассеять русских. В полутора верстах от нашего лагеря он остановился и дал первый залп. Так как мы были на холме, то неприятель прекрасно рассмотрел нас и ловко направил орудия, но, несмотря на меткость выстрелов, по счастливой случайности у нас никто не был даже контужен. С изумительною быстротою наши

построились и выступили. Из лагеря уже был виден неприятель. В то время когда отряд наш шел в атаку, я становился напутствовать двоих умирающих, — они лежали рядом. Их и меня скрывала высокая трава. Я не мог видеть, да и не обращал в те минуты внимания на то, что делается кругом, а когда кончил свою обязанность и поднялся, чтобы сесть на коня, то вдруг увидел, что несколько кокандцев мчатся прямо на меня, и расстояние между нами было всего каких-нибудь саженей десять. В первую секунду я оторопел, потому что не знал, куда мне направиться; кругом ни души своих, и я не мог определить, где наши и в которой стороне лагерь. Впрочем, тотчас же издали увидел нашу артиллерию. Моментально вспрыгнув на коня, я круто повернул его и поскакал туда. Кокандцы скачут по моим следам, кричат; не хотелось мне им достаться живому, а безоружному и защищаться нечем. Я просто мчусь и слышу дыхание их лошадей. Вот два заскакивают с боку, хотят мне наперерез! Но конь у меня был добрый, выручил! Доскакал я до артиллеристов, смешался с ними и тут отдохнул...»

Неприятель был рассеян, а мулла Алимкуль убит. О взятии Ташкента о. Малов рассказывает:

IV.

«14 июня находились мы в 18 верстах от Ташкента. Войска было у нас не более тысячи трехсот человек. В 9 часов вечера Михаил Григорьевич Черняев собрал совет и предложил вопрос: Что нам делать? Лазутчики донесли, что бухарский эмир идет с огромными силами на выручку Ташкента, а с тыла мы были отрезаны кокандцами, захватившими даже вещи, лично нам принадлежащие. Решено было идти вперед, и пошли с твердым намерением, или выиграть дело, или лечь поголовно под стенами Ташкента. Ночь была темная. Пушки обвязали кошмами и неслышно двинулись, разделившись на отряды. Пошли мы садами по бокам дороги, — даже курить воспрещено было, чтобы огнем не обратить на себя внимание. Шли молча и тихо всю ночь. Наступил рассвет, идем, — ни души навстречу. Краюшек солнца показался на горизонте, когда мы видели Ташкентские стены и Камеланские ворота. Ворота оказались запертыми, а на стенах — ни одного часового. В то время у сартов была ураза (пост). Пропустившись день, они часть ночи провели в пиршестве и заснули к рассвету крепким сном. Сладко спало стотысячное население города, спало находившееся в Ташкенте пятнадцатитысячное кокандское войско, крепко спал караул, расставленный у стен, внутри города. «Первыми полезли на стену ротмистр Вульферт, поручик Шорохов и священник — Малов», говорит г. Зайцев, в своей «Истории 4-го Туркестанского батальона».

Продолжаю рассказ со слов о. Малова: «В то время, как охотники приставили штурмовые лестницы и полезли на стену, солдаты заметили лазейку-щель между воротами и стеной и, разумеется без затруднения очутились за стеною. Пришлось будить неприятеля пулями и штыками. Враги наши растерялись и были охвачены паникою, но вскоре, впрочем, духовенство их воодушевило и пошла потеха... Михаил Григорьевич остался у Камеланских ворот, чтобы сохранить наш сборный пункт и удержать за собой ворота. Полковник Краевский, как условлено было заранее, ждал нас у Кажгарских ворот с артиллериею, — нашею задачей было отворить ему эти ворота. Подполковник Жемчужников направился с отрядом к цитадели. Капитан Абрамов (впоследствии Ферганский военный губернатор, стяжавший общую любовь и уважение, ныне умерший) направился вдоль стен к Кажгарским воротам, а майор Делакруа следовал за ним в некотором расстоянии с двумя пушками. Я был в отряде Абрамова. Еду, — кругом пальба и резня, пули свищут, вдруг стон и голос: «Батюшка, напутствуй меня! — Прими последний вздох»... Спрыгиваешь с коня, наклоняешься к раненому, благословляешь его крестом, читаешь молитву или говоришь несколько слов в утешение и опять на коня, едешь далее, кругом тот-же гул и свист пуль, едешь и опять тот-же стон и призывание: «Прими вздох!»... Мы думали, что очистили барбетты,

но Делакура, шедший за нами, находил их занятыми, вновь должен был очищать. Улицы тесны. Нафанатизированные жители помогали войскам и вместе с ними массами напирала на нас, нам пришлосьделиться на мелкие отряды человек в сорок каждый. Мне дали также отряд. Волей-неволей отряды разбрелись в разные стороны. Раз как-то, вижу, туча, человек в тысячу, двигается на нас, солдатики мои ахнули и поворотились, было, — побежали. «Стой братцы, крикнул я, — неужели этот крест на поругание отдаете? Вперед!» и поднял я крест и вперед двинулся. Воротились и врага рассеяли». На вопрос мой, как относился батюшка к опасности, грозившей ему лично, он отвечал: «Тут как-то о себе не думаешь, а смотришь только, что враг затевает... Эти напирания массами вынудили нас зажигать сакли и тем отвлекать внимание населения. Сунет солдат римскую спичку к кровле и камыш моментально запылает. Улицы забаррикадированы, каждый шаг брали с боя. Тут разрушаем баррикады, отбиваемся от сарбазов, сарты лезут просто с кулаками, а из-за стен сакель в нас стреляют». В своих записках полковник Сялковский, обрисовав трудное положение русских в Ташкенте и своего отряда, которому отовсюду грозил неприятель, говорит: «Вижу: откуда не возьмись о. Малов, с ним две пушки и несколько человек солдат. — Откуда вы взялись?» — спрашиваю я. «Мы бились там, отвечал о. Малов и махнул рукою в сторону. Теперь присоединимся к вам, если хотите». Полковник Сялковский, конечно, был доволен таким присоединением, так как помимо той помощи, которую представлял отрядик неумолимого и героически храброго священника, он и сам был удобным спутником. Он служил мишенью для выстрелов, как признает с откровенностью старого сослуживца полковник Сялковский. Благодаря своей одежде, отличавшейся от одежды воинов, почтенной наружности и признаком духовного сана — крест в руках и дароносица на груди о. Малова был принимаем неприятелем чуть-ли не за главу движения русских в Средней Азии, вследствие чего выстрелы сыпались на него градом. Однако же, по какой-то счастливой случайности пули не трогали его. Некоторое время о. Малов ехал в отряде Сялковского, а потом со своими солдатами снова исчез куда-то.

«Один раз, — рассказывает герой-священник, — слез я с лошади, чтобы напутствовать умирающего и только что, исполнивши свою обязанность, занес ногу в стремя, как солдатик державший лошадь, осел и поклонился мне до земли, пришлось и его благословить «в дальний путь», — пуля ударила его в спину навывлет». Солдатику этому пришлось, может быть, принять смерть за о. Малова. «Под вечер меня чуть не прихлопнули, — заметил между прочим Андрей Евграфович, — попали мы в улицу довольно спокойную, опасности не предвиделось; в конце улицы базарчик и там сарты себе палау готовили. Солдаты, сутки не евшие, бросились туда, и давай этим «палау» угощаться. Я остановил лошадь среди улицы, жду!... Вдруг откуда ни возьмись — четыре сарбаза, перепрыгнули аркык и на меня. Передний поднял ружье и сажень в двух прицелился мне в голову. — Братцы, прощайте! Крикнул я своим, — возьмите крест!» Сарбаз выстрелил — осечка! Тогда он подбежал ко мне и ударил прикладом по плечу. Солдаты тут же выбежали и приняли врагов. Долго плечо болело, сильно ударил».

К вечеру отряд о. Малова опять соединился с отрядом полковника Сялковского (тогда капитана). В посмертных записках говорится: «Сарты заметили, что в нашей кучке идет замечательное лицо. О. Малов в большой пуховой шляпе, светло-зеленом кафтане (подряснике) с сияющим большим крестом в руках и золотую цепью на шее имел величественный вид, и когда мы сгруппировались у баррикады, то сартам по-видимому хотелось убить или захватить о. Малова. Они засели на стены дувалов (глиняных заборов) и на крыше сакель и отовсюду открыли по небу пальбу». Чем ближе подвигались, наши храбрецы к назначенному заранее сборному пункту, тем более группировались отряды, и силы Сялковского увеличивались. Но люди были уже измучены. «Солдаты, примкнувшие ко мне с добычей, — рассказывает Сялковский, —

давно побросали свои ноши и большею частью теснились к о. Малову и молились на крест (дароносица), находящийся на груди священника.

«Наконец мы добрались до ханской ставки, куда прибыл, благополучно вошедший в город отряд Краевского и куда стянулись отряды Абрамова, Делакура и другие. Солдаты, не знавшие целый день, что делается с другими отрядами, не имея друг о друге известий, бросились обниматься, и целовались. Они воспрянули духом. Еще бы мы представляли собою силу в 900 человек. Теперь, думали мы, нас не одолеть. Между тем Михаил Григорьевич удержал за собою Камеланские ворота, но потребовал нас к себе, потому что на него наседали сарты из центра города. Ночевали мы тогда у Камеланских ворот, окружив себя огненною линиею подоженных сакель, но перестрелка длилась всю ночь, между нашими караульными и подбегавшими врасыпную сартами. Из пушек палили, по выстрелу через полчаса, потому что берегли заряды, у нас их немного было».

«Что же сказать вам еще, — задал себе вопрос Андрей Евграфович, когда покончил со своими воспоминаниями о первом дне, проведенном в стенах Ташкента. — Как действовали другие отряды 16 июля, я не видел, а у нас происходило то же самое, что и накануне, не смотря на то, что к Михаилу Григорьевичу приходили не один раз депутации от торговцев и хлебопашцев с предложением сдать город. Аксакалы (старшины) города и духовенство не были согласны с мнением мирно настроенных жителей. Только 17 июня окончательно был взят Ташкент, кокандские войска ушли, и малолетний хан бежал, а мы поместились в ханском дворце, устроенном в восточном вкусе»...

«Да, забыл вам еще сказать, — добавил в заключение почтенный протоирей, — что когда ташкентская артиллерия очутилась в руках наших, то мы нашли и свою иканскую пушку, взятую кокандцами при Икане, и увидели, что почти все сартовские пушки были отлиты по образцу нашей».

«За геройскую храбрость и воодушевление войск во время штурма и взятия Ташкента с 15-го по 17-ое июня 1865 г. священник Малов награжден золотым наперсным крестом на Георгиевской ленте, из кабинета Его Величества». А Святейший Синод «за отличное усердие по службе» преподал ему свое благословление. В 1866 году о. Малов был назначен благочинным церковью Сырдарьинской области.

V.

Из всех битв, свидетелем которых и, так сказать, участником был Андрей Евграфович, наибольшее впечатление в душе его оставило сражение при Ир-Джаре. Генерала Черняева тогда уже не было, и командование было передано генералу Романовскому (теперь уже покойному). Русские шли к Ходженту и на привале при урочище Ир-Джар были окружены бухарскими войсками. О. Малов рассказывает об этом сражении так:

«Представьте себе голую равнину, с одной стороны омываемую Сырдарьёю, а с трех окруженную стеною неприятельских войск, и нас русских в центре этой равнины. Бухарцев было до 60000 и они действительно на всем протяжении казались темною, плотною массою, нас же было не более 5000. Мы казались горстью людей, которых ежеминутно могла сдавить или сдвинуть в Сырдарьёю дугообразная бухарская сила. Ею командовал сам эмир. В нас направлено было 36 орудий, но бухарцы не сообразили расстояния, и выстрелы их пролетали над отрядом и падали на другом берегу Сыр-Дарьи. Это обстоятельство значительно поддерживало энергию солдат. Наша артиллерия действовала метко. За нею стояла колонна капитана Абрамова, а вправо от нее был подполковник Пистолькорс с своею колонною. Не помню, сколько времени длилось такое положение, но тут и минуты казались часами. Вдруг неприятельская стена заколебалась, бухарцы задумали сжать нас кольцом. Роковая минута!... А сзади у нас вдруг ударили отбой!... Солдаты опешили, отступить было

некуда!... Что тут делать?... «Ошибка это, братцы! Ошибка барабанщика, — закричал я. — Какой отбой?» «Ура» теперь надо! «Ур-ра!» крикнул я из всех сил. Ур-ра — поддержали Абрамов и Пистолькорс. Ура! Грянуло по отряду и заглушило барабанный бой. Мы кинулись вперед, прорвали неприятельскую линию и очутились в их окопах. Бухарцы смешались и растерялись. Тут уж и кавалерия наша и пехота дали себя знать. Беспорядочными толпами бежали бухарцы, бросив свой обоз. А эмир первый задал «лататы». Чего-чего не было в их обозе! И чай был готов, и кальяны дымилась, и жареная баранина, и паллау были к нашим услугам. Голодные, усталые солдатики из когтей смерти вырвались прямо на пир».

За участие в генеральном сражении 2 мая 1866 года, на урочище Ир-Джаре, данном бухарскими войсками под начальством самого эмира и окончившимся полным поражением неприятеля, о. Малов был награжден камилавкою.

VI.

Интереснейший случай в боевой службе о. Малова есть, без сомнения, командование артиллерией. Это было под Ходжентом, сильным укреплением, к которому сходились дороги из Ташкента, Коканда, Балха и Бухары. Двойной ряд стен с большим количеством барбетов и башен делал бомбардирование и взятие этого города весьма трудным, тем более, что городская стена тянулась на 11 верст. Во время осадных работ русские войска были обстреливаемы с неприятельских стен, рекогносцировочный отряд также был встречен огнем. Ходженцы, пользуясь некоторою политическою самостоятельностью и самопроизвольно распоряжаясь судьбами города в лице своих городских властей, всегда удачно защищались от нашествия неприятелей. Они хвалились тем, что Ходжент еще никем ни разу не был взят силою, и были уверены, что реноме города сохранится и после битвы с русскими.

Бомбардирование началось 21-го мая и продолжалось четыре дня. Русская артиллерия действовала с четырех пунктов, главные же надежды возлагались на приречную часть, расположенную на берегу Сырдарьи, против укрепления, казавшегося сравнительно слабым. 24 числа, в то время как артиллерия действовала усиленно, против Келенауских ворот города стягивались войска, приготавливаясь к штурму и привлекая на себя главное внимание осажденных. Орудия приречной батареи были выдвинуты почти под самые стены и обдавали город сильным картечным огнем. Там неоднократно вспыхивал пожар: осажденные тушили его, лезли на стены и направляли огонь в наших артиллеристов. Здесь один за другим были или убиты, или тяжело ранены все командиры батареи, да и солдат-артиллеристов оставалось не более четырех.

«Мне пришлось командовать, — рассказывает о. Малов, — чтобы не остановить ход дела. Я эту часть знал хорошо. Слава Богу, имел возможность присмотреться и прислушаться. Нам удалось пробить стену и чрез брешь перетащить два орудия. Продолжая командовать, я вступил в город, бомбардировал цитадель и разрушил часть ее. На наши крики «Ура!» послышалось как бы ответное «Ура!» штурмующих, и они появились в Ходженте». У Келенауских ворот шла смертельная битва, бились между стен, бились внутри города. Ходжент горел, всюду лилась кровь, слышалась пальба, крики, стоны, падали люди и животные. Это был ад! — говорят очевидцы. Артиллерия наша была помещена в цитадели, а к вечеру город был в наших руках. Убитых кокандцев было более двух с половиною тысяч, наших... но разве победители считают жертвы? Наших пало немного...

Итак, непобедимый Ходжент был побежден! И это сделали герои-солдаты, голодные, оборванные, почти нагие!..

«Солдата того времени я любил и глубоко уважал, — говорит о. Малов, — я его близко знал, удивлялся тому самоотвержению, геройскому пылу, тому терпению мученика, которое он в себе выработал. Воля командира, слово его были законом для

солдата не только согласно военной дисциплине, но и по внутреннему убеждению, потому что и командиры стояли на высоте своего призвания, были авторитетны в военном деле, милостивы и доверчивы к солдату и вне битвы входили в его нужды. Солдат сознавал важность своего назначения; победа за победой развили в нем самолюбие, чувство собственного достоинства. Порою приходилось щадить его, быть к нему снисходительным, порою даже закрыть глаза перед каким-нибудь его поступком, вынужденным обстоятельствами. На войне чего не бывает, когда по месяцам солдатик мяса не видит и ничем ему заменить рубашки, свалившейся с плеч? Нужно во всем разобраться, тонко войти в положение и понять все стороны дела. Повторяю, я любил нашего солдатика, особенно за его многотерпение, и был постоянным посредником между ними и командирами; да и кому же было принимать на себя его защиту, как не мне, его духовному пастырю?..

День спустя после взятия Ходжента штабные собирались у генерала Романовского, а так как я был тогда священником походного штаба, то отправился и я. Прихожу и вижу на площадке, перед домом, приготовлены плети, и тут же мне бросилась в глаза группа солдат с угрюмыми понурыми лицами. Сердце мое облилось кровью. Это были герои, те самые, которых я знал на поле битвы с 1862 года. Это они выручили нас при Ир-Джаре, они же и лезли на стены Ходжента. Загорелые, нагие солдатки были приодеты, — я тотчас же догадался, в чем дело, и заспешил. Если бы я имел время обдумать, я объяснился бы с генералом один на один, но я был вне себя и не помню в каких выражениях выразил свое ходатайство, при всех собравшихся лицах. Генерал нахмурился и сказал: «Как? Вы хотите, чтобы солдаты барантовали в покоренном городе? Вы, духовное лицо, поощряете такое дело?» — «Я ничего не хочу и ничего не поощряю, ваше превосходительство, я прошу пощады, в виду прежних постоянных заслуг этих солдат». — «Пощады не будет!» — резко ответил генерал. — «В таком случае, позвольте напомнить Вам, что здесь только недоразумение. Перед взятием города, вы, ободряя солдат, изволили выразиться: «Ребята, берите Ходжент, и на два дня он ваш!». — «Да, но разрешение на это им не было объявлено». — «Им не было объявлено и запрещение, а слову своего командира они привыкли верить. Я понимаю, ваше превосходительство, что чувство законности в Вас взяло перевес над мыслью, что вырвалась в критические минуты. Прикажите же объявить запрещение, а этим провинившимся явите свое милостивое прощение...». Генерал отменил наказание, но я почувствовал, что я в опале, и ушел. Дня через два мы штабные собрались снова у генерала. Я как опальный, встал сзади всех. Он однако же тотчас заметил меня, подошел, протянул руку, и сказал: «Я сознаю, что был неправ и погорячился, извините меня, батюшка!». Но, сказав это, генерал в душе не примирился со мною и собственноручно вычеркнул меня из списка лиц, заслуживающих награду за взятие Ходжента. Да Бог с ней, с наградой! Она меня не интересовала, — заключил о. Малов свой рассказ об опале, — время военное, он мог бы просто велеть расстрелять меня!»

VII.

После взятия Ходжента, в военно-походной жизни о. Малова случился некоторый перерыв. По возвращении в Ташкент он сильно захворал воспалением желудка и был некоторое время между жизнью и смертью. Это было причиною, что Андрей Евграфович не принял участия в новом походе, и остался в Ташкенте и по выздоровлении занялся исполнением своих пастырских обязанностей в городе. При нем была отстроена Иосифо-Георгиевская церковь, настоятелем которой, а вместе с тем и благочинным церковью города был назначен о. Малов. В 1867 году был образован Туркестанский округ и командование войсками вручено было генерал-адъютанту фон-Кауфману I. Деятельность Андрея Евграфовича расширилась: он был назначен председателем комиссии по постройке соборного храма в Ташкенте, председателем комиссии по сооружению Высочайше утвержденного памятника воинам, доблестно

павшим при взятии Ташкента; Высочайше утвержден в должности директора тюремного комитета; избран почетным членом «Семиреченского православного братства». В 1869 году о. Малов был произведен в сан протоиерея и за отличия и усердную службу, по засвидетельствованию о ней военного начальства, сопричислен к ордену св. Владимира 3-й степени. В том же году Андрей Евграфович ездил в Петербург за сбором пожертвований на построение собора.

«Главными моими жертвователями, — говорит Андрей Евграфович, — были: Государь Император и его Августейшее семейство. Я привез в Ташкент 25000 рублей, и на эти деньги комиссия начала постройку собора, продолжавшуюся и окончившуюся на счет казны». Храм этот отстроенный и освященный 11 июля 1888 года, стоил многих трудов, забот и волнений престарелому, почтенному нашему протоиерею. «Это его детище!» — как выражаются местные жители. В 1871 году Св. Синод предложил о. Малову принять сан (первого) Туркестанского епископа. Но Андрей Евграфович отказался, выражая, что считает себя недостойным принять столь высокий сан и сопряженные с ним многотрудные обязанности. «К тому же, — говорит о. Малов, — в сердце моем слишком большое место занимает семья: дочь и внучата, я чувствовал, что не могу отделиться от них».

VIII.

Константин Петрович Кауфман, умевший распознавать и ценить людей по их достоинству, быстро понял и о. Малова и относился к нему с самым дружеским уважением. Зная о привязанности солдат к Андрею Евграфовичу и его способности воодушевлять войска и не теряться в самые критические минуты, генерал Кауфман предложил о. Малову участвовать в предпринятом им походе на Хиву. О. Малов принял это предложение не только по обязанности, в качестве священника окружного штаба, но и потому, что считал для себя лестным делить труды и опасности войск, идущих под команду всеми любимого и уважаемого, как человека и генерала, К.П. Кауфмана. Предварительно отказавшись от звания благочинного церкви Сырдарьинской области, 13 марта 1873 года Андрей Евграфович вместе с отрядом оставил Ташкент. Всем известен труднейший переход русских войск от Ташкента до Хивы, сыпучими песками, под палящим солнечным зноем. Отряду приходилось переносить крайнее утомление, голод, а главное, ужасную жажду, иногда при полном отсутствии воды в степях. Животные падали от жажды. Солдатам раздавалась вода порциями, той же участи подвергался не только штаб, но и сам генерал фон-Кауфман. «Бывало, скажет Константин Петрович, — рассказывает о. Малов, — приходите господа ко мне чайку напиться, да только со своею водою. Вот и являемся мы, каждый со своей порцией, и из общих паев составляется чаепитие». В этом походе о. Малов участвовал в ночной перестрелке с неприятелем и при разбитии неприятельского скопища в 3500 человек, а также при рекогносцировке у переправы через Шейх-Арык, под сильным артиллерийским огнем неприятеля, и при артиллерийском бое 17 мая на Шейх-Арыке, и воодушевлял войска при взятии города Хивы, 29 мая.

Рассказывают, что генерал Кауфман, высоко ценивший энергию, неустрашимость и находчивость Андрея Евграфовича, на одном военном совете выразился: «Если бы о. Малов был офицером, я за честь считал бы служить под его командою».

За отличие в делах при покорении Хивы, о. Малов Всемиловейше был награжден митрою из кабинета Его Величества и серебряною медалью на Георгиевско-Владимирской ленте.

На обратном пути из Хивы, осенью 1873 года, о. Малов следовал с больными, наиболее нуждавшимися в его утешении и поддержке, через Аральское море, на судах аральской флотилии, а от Казалинска до Ташкента сухим путем.

IX.

При покорении Кокандского ханства, из лиц, обративших на себя внимание геройскою храбростью, выдавался Михаил Дмитриевич Скобелев, который вскоре был произведен в генерал-майоры.

Получив чин генерала и командование отрядом, отправлявшимся на Алайские горы, Михаил Дмитриевич просил о. Малова участвовать в экспедиции. Это было в 1876 г. Движение на Алай было последним движением русских войск (в смысле завоевательном) в Средней Азии, а вместе с тем и последним походом в военно-боевой жизни о. Малова.

«С этого похода, — говорит Андрей Евграфович, — у меня стали болеть ноги, я получил ревматизм — пришлось весь поход сделать пешком. Наши лошади не могли карабкаться по Алайским крутизнам, проходить по скользким ледяным откосам и по глиняным, размытым водою тропинкам. Не могли они спускаться почти с отвесных стен, что делали мы сами, цепляясь за камни и корни. Верблюды, более привычные животные ко всякого рода дорогам, и те скользили и падали, не редко обрывались в пропасти. Солдатам приходилось везти орудия на себе. Мы взбирались на вершины высотой от 11 до 12000 футов».

Отряд приблизился к Алайским горам 30 марта 1876 года, а 4-го Апреля была занята Гульчинская долина в 70 верстах от Оша, последнего города завоеванного русскими войсками. На этой долине было заложено укрепление Гульча. Затем на 20-й версте от Гульчи, в ущелье Янтарьк, был найден неприятель, засевший за каменной стеной. То были кара-киргизы под командой Абдул-бека. Генерал Скобелев произвел лихую атаку в ущелье и на гребни гор. Неприятель был частью побит, частью рассеян. Преследуя кара-киргиз и разгоняя мелкие шайки разбойников, попадавших на пути, отряд наш доходил до кажгарско-китайской границы. Целью алайской экспедиции было усмирение бежавших в горы непримиримых фанатиков, возмущавших жителей завоеванных городов и беспокоивших русские отряды во время их передвижений. Генералу Скобелеву, три раза переходившему Алайский хребет, удалось достигнуть цели.

Андрей Евграфович был награжден орденом св. Анны 1-й степени, причем он получил Высочайший рескрипт, от 16-го апреля 1878 года, следующего содержания:

«Проходя в течение многих лет служение в Туркестанском крае, вы приобрели любовь и уважение расположенных там войск, привыкших видеть среди себя в походах боевой и походной жизни своего духовного пастыря, всегда воодушевляющего их как словом наставления и ободрения, так и примером личной доблести. В воздаяние отличных заслуг ваших и приемля в особенное Монаршее внимание засвидетельствованную военным начальством примерную пастырскую деятельность вашу во время трудной Алайской экспедиции минувшего года, Всемилостивейшее сопричисляем вас к Императорскому ордену Нашему св. Анны 1-й степени, знаки коего при сем препровождаемые повелеваем вам возложить на себя и носить по установлению. Пребываем к вам Императорскою милостью Нашею благосклонны».

Как участник алайской экспедиции, завершившей завоевание Кокандского ханства, о. Малов награжден в память покорения этого ханства бронзовою медалью на Георгиевско-Владимирской ленте, а, Св. Синод за отлично-усердную и ревностную службу наградил о. Малова палицей.

Х.

Всегда трудолюбивый и энергический, деятельный на всяком поприще, куда был призван к посильным трудам, мягкостью и прямою своего характера, ласковым обращением со всеми и всегдашнюю готовность исполнять христианские требы, не взирая ни на какую погоду, расстояние и время, и без всякого различия между богатыми и бедными, Туркестанский герой заслужил общую любовь и уважение, как человек и как пастырь духовный [5]. Чувства преданности к почтенному

старцу, местное общество выразило поднесением ему наперсного креста, украшенного драгоценными камнями (в 1883 г.). Бывший епископ Туркестанский и Ташкентский, впоследствии Костромской, Александр, оставивший здесь по себе дорогую память, написал о Малову по поводу этого факта следующее:

«Ваше Высокопреподобие, многоуважаемый отец протоиерей Андрей Евграфович! С чувством живейшей радости, я дал Ташкентскому городскому обществу свое согласие к поднесению Вам наперсного креста с драгоценными украшениями. В тот день, когда впервые Вы возложите на себя этот крест, вспомните и обо мне, как об одном из усерднейших Ваших почитателей и добродетелей. Глубоко Вас уважающий епископ Александр».

Как всякий выдающийся человек, о. Малов, конечно, имеет и завистников, но почитателей и друзей у него несть числа. С особенным чувством сердечной привязанности относится он к своим старым сослуживцам, сподвижникам в ратном деле. С тем же чувством уважения и преданности относятся и они к нему. В 1885 году 17 июня в Ташкенте праздновалось двадцатилетие взятия этого города. День этот всколыхнул воспоминания старых туркестанцев; разрозненные местом служения, они обменялись приветствиями посредством телеграфа. Образцом такого дружеского послания может служить телеграмма, полученная о. Маловым от бывшего тогда Ферганским губернатором генерала Николая Александровича Иванова.

«Благодарю сердечно за память, поздравляю взаимно с двадцатилетием взятия Ташкента; с уважением вспоминаю те славные подвиги, которые неразрывно связаны с Вашим именем в Туркестанском крае. Пошли Вам Бог долгие годы на радость и утешение всем старым туркестанцам».

Ко дню двадцатилетия окончилось и сооружение памятника на братской могиле воинов, павших при завоевании Ташкента. Памятник поставлен Думою, но средства для постройки его доставлены о. Маловым и добыты им чрез сбор пожертвований.

После лихорадочной деятельности и чрезмерного возбуждения энергии во время военных действий, Андрей Евграфович, вернувшись, если можно так выразиться, к мирному житию, стал быстро стареть и слабеть. Трудности походной жизни, перенесение нестерпимой среднеазиатской летней жары и зимней стужи под открытым небом, ненормальное питание, переходившее порою в голодание довольно продолжительное, все это вместе взятое тут-то и проявило свои последствия. О. Малов отказался от обязанности благочинного и оставался до настоящего времени священником окружного штаба туркестанских войск. Он же духовник ташкентского духовенства.

Быстрая перемена, совершившаяся в организме Андрея Евграфовича, обращала на себя всеобщее внимание. Бывший генерал губернатор Туркестанского края М.Г. Черняев с особенным почтением относился к престарелому ветерану, который когда-то прискакал к нему из Туркестана в Чимкент для совместных действий. Беседуя нередко с почтенным старцем и перебирая прошлое, генерал иногда говорил ему:

— А что если бы теперь открыть военные действия, батюшка?

— Я с удовольствием бы, ибо духом бодр, но... к сожалению, слаб физически». (Ослабевшие ноги затрудняют движение о. Малова пешком).

— Был бы дух бодр! — замечает Михаил Григорьевич, — остальное приложится. Мы устроим для вас особую арбу и увезем с собою. Поход без вас просто немислим.

Трогательное отношение к батюшке генерала Черняева подтверждаются многими рассказами. Так, на закладке храма в Никольском поселке, генералу был дан завтрак, на котором присутствовало несколько лиц и в числе их Андрей Евграфович.

Произнесли тост в честь покорителя Ташкента М.Г. Черняева. Генерал отклонил этот тост, сказав:

— Я один ничего не мог бы сделать. Если бы у меня не было таких сподвижников, как о. Малов! Выпьем прежде за его здоровье!

С большим почтением как к герою и старцу, убеленному сединами, относился к о. Малову и генерал-губернатор Николай Антонович Розенбах, и все его семейство, заботливо оберегая старческие годы уважаемого протоирея. О. Малов был духовником семейства генерала-губернатора.

XI.

26 Февраля и 12-го Марта 1889 года ташкентское общество праздновало юбилей пятидесятилетнего служения Андрея Евграфовича в священническом сане. 26 Февраля в день годовщины вступления юбиляра в отправление пастырских обязанностей, утром, он получил массу поздравительных депеш от лиц сочувственно относящихся к нему, от бывших сослуживцев, друзей и почитателей, рассеянных в разных концах России и в уездах Туркестанского края. Приводим здесь некоторые из них. Бывший Туркестанский генерал-губернатор, генерал-адъютант Розенбах, находившийся тогда в Петербурге, телеграфировал:

«Жена и я просим вас принять наше сердечное поздравление с пятидесятилетним юбилеем вашей доблестной службы; молим Всевышнего о сохранении вашей дорогой для всех туркестанцев жизни на многие годы».

Бывший ташкентский губернатор, генерал Тротский с Кавказа, между прочим, в своей депеше говорит: «Доблестное участие ваше во всех славных деяниях туркестанских войск никогда не изгладится из памяти бывших сослуживцев; особенно памятно для всех участников ваше служение в достославном Хивинском походе». В телеграмме 4-го Туркестанского батальона из г. Оша, читаем: «Мы гордимся днем 22 Июня 1865 года, когда ваше славное подвигами имя было зачислено в списки 4-го батальона. Мы гордимся, что под вашим благословением, руководимые знаменем креста в ваших руках, совершены в Средней Азии горстью русских знаменитые дела покорения Ташкента, Хивы, Коканда и др. Всем батальоном молим Бога, да пошлет он вам здоровье и душевный покой на многие годы. Верьте, отец наш, что ваше благословение нас крестом и евангелием будет верным залогом чести батальона и навсегда сохранится историей, в назидание будущих бойцов [6].

Телеграмма г. Шредера: «Бывший туркестанец, в день торжества 50-летней службы, большая часть которой была посвящена вами делу православия в стране мусульманства и вооруженная св. крестом, ознаменовалась боевыми подвигами, отметившими ваше имя в славной истории завоевания твердынь Средней Азии, с глубоким почтением просит вас принять выражение самых сердечных чувств» и др.

Все эти и подобные им телеграммы, исполненные самых искренних чувств симпатии и дружбы, растрогали до глубины души почтенного юбиляра. Он сам служил литургию в соборе, особенно отчетливо и ясно, и голос его звучал трогательным благоговением. По окончании литургии, в доме о. Малова был отслужен молебен протоиреем Невоструевым при собравшемся духовенстве, поднесшем юбиляру свою группу крупных размеров, прекрасно выполненную местным фотографом, соборные певчие пропели несколько концертов, а старшим церковником Сидоровым, от лица его собратий была сказана речь, в которой после изъявления почтительности и преданности выражено было, что рассказы о доблестном служении юбиляра в Туркестанском крае, где он явился борцом за насаждение православия и русского дела, сохранятся навсегда в их памяти, тем более, что о. Андрей представляет собою единственный пример. Юбиляр прослезился и трогательными словами благодарил церковников.

Одновременно с прибытием духовенства в дом о. Малова явились для поздравления юбиляра делегации от частей Ташкентских войск и различных учреждений и исправляющий должность генерал-губернатора, генерал-лейтенант Яфимович, а также частные лица, друзья и знакомые почтенного старца. Двери гостеприимного, радушного дома были открыты целый день. Для юбиляра день этот окончился обедом, данным в честь его в военном собрании чинами окружного штаба [7].

Разлив рек в конце февраля задерживал своевременное почтовое сообщение и икона св. Андрея Стратилата, выписанная жителями Ташкента к 26 февраля, прибыла только 12 марта. День был воскресный, и собор был полон молящимися. Все члены городского общества, военные и гражданские чины за литургией были в полном сборе. Тотчас же после литургии староста г. Беляков поднес юбиляру икону в богатой вызолоченной ризе и от имени всего городского общества просил о. Малова принять ее, как выражение сердечной к нему привязанности и глубокого уважения. Тронутый Андрей Евграфович благодарил горожан в следующих выражениях: «С братской любовью и благоговением приемлю эту святыню и благословение от вас, именитые граждане и духовные мои чада! Глубоко тронут любовью вашей; благодарю и благодарю... Буду молить сего угодника Божия св. Андрея Стратилата, да ходатайствует он своими молитвами о ниспослании вам свыше долголетия и здоровья, а нашему городу успешного процветания». После этих слов, юбиляр взяв, в руки икону и глядя на лик Святого произнес: «Святой страстотерпче и ангел мой хранитель, молю тя, милостиво продолжи мне твой покров и защиту». Приложась к иконе, Андрей Евграфович возложил ее на аналой и был отслужен благодарственный молебен соборно.

В дом Андрея Евграфовича как и 26 февраля собралось многочисленное общество и все духовенство, пожелавшее почтить юбиляра своим вниманием и присутствовать при кратком молитвословии. Тут были исполняющий должность генерал-губернатора, генерал-лейтенант Яфимович, военный губернатор, генерал-майор Гродеков, начальник города и городской голова полковник Путинцев, все члены городской управы и гласные думы, представители Ташкентского купечества и прочие. Пред совершением литии благочинный церковью города Ташкента о. протоирей Покровский произнес юбиляру речь, извлечение из которой приводим. «Ваше имя — блестящая звезда на историческом небосклоне Туркестанского края. Оно тесно связано с именами всех доблестных героев-завоевателей этого края и следовательно всецело принадлежит истории... Мы — духовные дети ваши не можем и представить себе той массы трудностей и лишений, с которыми была сопряжена походная жизнь наших отрядов, и того высокого наслаждения, тех восторгов, которые выпадают на долю победителей. В виду этого нам остается благоговеть перед вами, как исторической личностью, и дорожить именем вашим наравне с именами тех, которые постепенно водрузили победное знамя во многих пунктах Средней Азии. Военное общество сочувственно почтило вас своим празднеством в самый день вашего юбилея; мы, собратья и духовные дети ваши, поднесением общей нашей карточки единодушно высказали наши глубокие чувства к вам, как к духовному отцу нашему. Ташкентское городское общество чествовало вас, по русскому обычаю, поднесением вам иконы и, наконец, вся читающая русская публика вместе с нами, благоговейно произносит имя ваше, занесенное вместе с вашей фотографической карточкой на почтенные страницы «Русского Паломника...».

Трижды облобызав отца Покровского и горячо поблагодарив его, юбиляр выслушал приветствия церковников, сказанное Сидоровым, где, между прочим, некоторые черты характера и жизни Андрея Евграфовича уподоблены чертам его св. покровителя и Ангела Андрея Стратилата: «Лик св. Андрея Стратилата, икону которого

вы благоговейно лобызали, — говорил церковник, — да оживит в вашей памяти прошедшие годы ваши, когда вы начали служение свое в здешнем крае. Св. Андрей Стратилат много скорбей понес за свое ревностное служение и заботы о дружине, немало и на вашу долю их выпало. Св. Андрей, тысяченачальник войск, особенное внимание и попечение обращал на единодушие и мужество дружины, и вы ободряли и воодушевляли войска под неприятельским огнем. Св. Андрей Стратилат во главе дружины своей смело шел навстречу врагу, и вы часто, руководя толпою охотников, являлись во главе их, в самых опасных местах боя. Св. Андрей, ваш покровитель, примеру которого вы следовали в зрелые годы, да продлит свою милость на вас теперь, когда труды и время ослабили здоровье и силы ваши, да сохранит он вас на многие лета во славу Туркестанского края и на радость и утешение всем нам почитающим вас».

Чувством горячей почтительности проникнут также адрес, подписанный едва ли не всеми членами общества города Казалинска.

Государь Император изволил выразить о. Малову Свое Монаршее благоволение.

Растроганный и взволнованный всем происходившим, без того слабый здоровьем, почтенный старец наш Андрей Евграфович первые дни после своего юбилея страдал бессонницею и отсутствием аппетита, а затем поправившись счел своим долгом прежде всего выразить телеграммами благодарность всем почтившим его поздравлениями в телеграммах, а посетивших лично Андрей Евграфович и благодарил лично. Долго пришлось делать визиты почтенному юбиляру, так как его поздравлял чуть не весь город, а более двух-трех домов в одно утро он посетить без утомления не мог бы.

Ныне с упразднением мест священника штаба, о. Малов назначен старшим протоиреем Ташкентского военного Спасо-Преображенского Собора.

ХII.

Главные факты для биографии отца Малова, как видим, представляют эпизоды из его военно-походной жизни. Эта жизнь, должно полагать, наиболее соответствовала его внутреннему настроению, наиболее удовлетворяла его внутренний мир. На основании всех данных, изложенных выше, мы имеем право предположить, что Андрей Евграфович действительно был одарен призванием к военной службе. Духовное лицо заметно в нем по тем чертам характера, которые проявились в кроткой уступчивости, завершившей переговоры с отцом о выборе карьеры; в том высоком сострадании, под влиянием которого пастырь идет просить пощады провинившимся воинам; в беспредельной любви к семье и честном правдивом сознании, что ранее нее он не может отказаться от мира, и, наконец, в том нравственном влиянии, которое он имел на солдат. А кротость, уступчивость, сострадание, любовь, прямота и чистосердечие, в соединении с чисто геройским духом и неустрашимостью на поле брани, рисуют нам, кажется, довольно ясно в отце Малове нравственный облик *священника-воина*.

Благодаря сильным впечатлениям, полученным отцом Маловым во время походной жизни, все воспоминания его сосредоточиваются на этом периоде его существования. Весь организм его проникнут картиной битв и сражений. И теперь почтенного старца посещают сны и видения, тревожащие его ночной покой. Он нередко вскакивает с постели с криками: «Ура! Вперед братцы! Ура!» и на успокоительные доводы домашних отвечает: «Ах, Боже мой, мне пригрезилось, что целая масса неприятеля напирает на нас!». Батюшка творит молитву, снова ложится в постель, все стихает, а через некоторое время видит новый сон и опять командует, и роняет стоящие близ кровати предметы, и снова, успокаиваемый берегущими его сон родными, засыпает. По утру домашние передают друг другу: «А сегодня ночью дедушка опять воевал!».

О. Малов переживает светлую старость. Он окружен внуками и правнуками, которые перед дедушкой благоговеют.

Л.Симонова (Хохрякова).

Приложение

В ходе поиска материала о священнике Андрее Малове, нами была обнаружена интересная дискуссия на форуме сайта «Старый Ташкент».

(<http://www.fromuz.com/forum/index.php?showtopic=735&st=6840>) Подумав как следует, и не получив ответа на многочисленные вопросы от участников этого форума, но учитывая замечательный характер этого дополнительного материала, можно сказать «живой голос» потомков, мы решили опубликовать его полностью с небольшими правками в виде приложения к настоящему труду. Тем более что брошюра госпожи Симоновой-Хохряковой тоже была выложена в свободный доступ на этом сайте.

Вот что пишет одна из посетительниц форума:

«Малов А. — мой прапрапрадед. Довольно героический был дед. Одним из первых, а точнее второй вошел в г. Ташкент при его штурме. Нашел лазейку-пролом у тех же пресловутых Камеланских ворот и вошел через неё. О нем много информации в Интернете, поэтому и нет смысла писать, но фотографии засканировала и поместила. Обратите внимание на его ордена и кресты — куда все это делось? Кстати, зять Малова А. (муж его единственной дочери Елизаветы 1841-1927 — она похоронена на Боткинском кладбище на нашем семейном участке) — штабс-капитан Лев Ефимович Коржев погиб при взятии Ташкента в 1865 г. и был похоронен на братском кладбище Ташкента (там, где находится часовня). У него осталась маленькая дочка Надя Коржева, которая вышла замуж в 1881 году за священника Синева Петра Кузьмича, от которого родила очень много детей. Правда, практически все умерли в детском и юношеском возрастах от туберкулеза. Остался в живых только мой дед — Синев Григорий Петрович (1891-1964) я его хорошо помню (он прошел всю первую мировую войну и даже сфотографировал), был еще его брат близнец Иван — но сгинул без следа в первую мировую войну, и их сестра Таня 1893 г.р. Таня впоследствии вышла замуж за грузинского князя Кипиани и умерла в Грузии уже после войны. (Кстати, знаменитый когда-то футболист Тбилисского «Динамо» Кипиани — мой родственник, но не прямой). Синев Г.П. до 1950 г. был заведующим военной кафедрой в Текстильном институте. Там я училась 1976-1981 г.г. и даже встречала работающего там редактора институтской газеты, который отлично его помнил.

Дочь Малова — Елизавета после смерти мужа Коржева Л.Е. вышла замуж за Ветберга и родила ему 4 детей — Ольгу, Александра, Лидию, Марию. Их года рождения приблизительно 1867-1880.

Кстати был где-то на форуме разговор, где похоронен Кауфман. Так вот, он умер в мае 1882 г и был погребен внутри Спасо-Преображенского собора (Кстати, мой предок Малов тоже там был захоронен в 1899 г. прямо напротив могилы Кауфмана). Собор был построен при непосредственном участии Малова А. Этот собор был открыт в июне 1888 года, видимо Кауфмана туда позже перезахоронили (как-то все это непонятно мне по хронологии). Этот собор, как я предполагаю, стоял на месте нынешнего фонтана, который в виде стены на площади Мустакиллик. Собор был шикарный. Архитектор — вроде Бенуа. Был построен на века, но снесли его в тридцатых годах большевики — взрывали многократно, т.к. не поддавался. Куда вывезли гробы — неизвестно. Встречала человека — свидетеля тех событий. Он рассказывал мне о сносе этого собора почти что плача. Старенький он уже был дедушка... Уже умер...»

И вот реакция на это послание:

«Я тоже потомок Андрея Евграфовича Малова, и тоже прапраправнук! У меня есть скан интересного раритета, возможно, единственного экземпляра - мне нигде не попадалось из него цитат:

Это полу-автобиография о. Малова, записанная Лидией Симоновой-Хохряковой в 1891 году. Как автор попал в Ташкент — отдельно интересный вопрос, знаю только, что она записала несколько интервью со знаменитыми людьми последней четверти 19 века. Достоевскому она была соседкой по Старой Руссе и, говорят, была прототипом госпожи Хохлаковой в Карамазовых.

Документ, на мой взгляд, очень интересный. Прочитав его, я увлекся изучением истории присоединения Туркестана к России и собственной генеалогии. Я очень долго пытался найти следы второго мужа Е.А. Маловой — подполковника Петра Генриховича Ветберга, моего прапрадеда, в истории, но Интернет про него молчит, а сделать запрос в архив еще не удосужился. Согласно семейным преданиям он был «шведский дворянин на русской службе», честный служака, особо не примечательный, рано умер. Его происхождение я изучил, настоящее имя Peter Henrik Wettberg, родился 28.01.1838 г. в Финляндии (т. е. в России), а четыре поколения его предков — лютеранские священники (вот ведь как складывается!). Прибалтийское дворянство (а до 12 века немецкое) фамилии, видимо, утрачено в Петровские времена, когда его пращур занесло из Прибалтики аж в Лапландию. В 17 лет он поступил вольноопределяющимся в стрелковый батальон, в 21 год сдал офицерский экзамен и отправился в поисках славы и зарплаты в далекий Туркестан. Вообще-то офицерский корпус русского контингента в Туркестане изобилует шведскими фамилиями из Финляндии — Аминов, Вульферт, Гриппенберг...

Я сомневаюсь, что отец А. Е. Малов действительно был сколько-нибудь предпринимателем... Зачем ему тогда было отказываться от епископства? Зачем тогда ему было участвовать в Скобелевской экспедиции через Алайку будучи уже по самое некуда в наградах и почете? Нет, он похоже действительно был таким, как его описывают — искренним авантюристом. А вот дочь его Елизавета Андреевна видимо была женщиной практичной и умело конвертировала заслуги отца в связи, недвижимость, образование детей и внуков.

Мой прадед Александр Петрович Ветберг (род. 1871) учился, по-моему, в Петербурге, но работал чиновником в Коканде, Маргелане и Ташкенте. Он был податным (налоговым) инспектором, дослужился до генерал-майорского чина, однако был человеком скромным, взятки не брал (семья была и так не бедная?) и, что самое интересное, в 1918 году его никак не репрессировали, мало того, оставили на той же высокой должности. Умер он в Ашхабаде вроде в 1924 году, подробностей не знаю.

Имя его сестры Ольги упоминалось, но я думал, что это как раз дочь артиллериста штабс-капитана Л. Е. Коржева, а оказывается Елизавета Андреевна родила пятерых. Словом, я про нее ничего не знаю, только ее потомки могли бы быть неизвестными потомками отца Малова кроме тех, что уже знает предыдущая участница форума.

Мария Петровна Ветберг окончила высшие Екатерининские курсы в Петербурге, вернулась в Ташкент и вышла замуж тоже за налогового чиновника Л. Троицкого, который рано умер. До войны она точно жила в Ташкенте, где и когда умерла, не знаю. Их единственная дочь Анна Леонидовна Троицкая была очень известным востоковедом, профессором Ленинградского Университета, умерла старой девой в 80-х годах, оставив все имущество моему отцу — крестов о. Малова там не было, но вот вышеупомянутая брошюра и еще кое-что — оттуда. Ее я знал, естественно.

Лидия Петровна Ветберг умерла не оставив потомства в Ленинграде в 60-х годах на руках моей бабушки, ее я тоже помню.

Алла Александровна Ветберг, моя бабушка по отцу, была единственной дочерью Александра Петровича, ее первый муж взял ее фамилию.

Мой отец опять единственный сын (род. 1923) и, таким образом единственный прямой потомок Петра Генриховича Ветберга и, кроме ветки Надежды Львовны Коржевой — единственный потомок А. Е. Малова. Бабушка вскоре после рождения отца развелась: согласно семейной легенде, ее муж был картежником и умудрился проиграть 17 000 рублей золотом казенных денег уже советского чиновника Александра Петровича Ветберга. Вот здесь-то и было продано все оставшееся после революционной экспроприации наследство, но прадед, видимо все равно этого не выдержал... Может в этот момент награды Андрея Евграфовича сгинули в неизвестном направлении, может парой лет раньше — можно только гадать.

В 1932 году семья окончательно переехала в Ленинград, на этом моя связь с Ташкентом кончается. Однако, наизучавшись историй, которые я тут изложил, считаю себя причастным к Ташкенту и его истории. Впечатление у меня, что Россией в 19 веке было создано два прецедента удачной колонизации, когда без излишней жестокости выигрывали обе стороны, метрополия и колония: это Финляндия и Туркестан. Финляндия фактически получила собственную государственность, Средняя Азия получила цивилизационный рывок. Россия в обоих случаях выигрывала геополитику.

Надпись на титульном листе я расшифровал так:

Глубокоуважаемому о. Евфилию Александровичу Малову
от всегда пр ? ? ? ного

Н. Остроумова. 20.08.1890 Ташкенть

Этот экземпляр брошюры достался моему отцу в наследство от своей двоюродной тетки Анны Леонидовны Троицкой, правнучки о. Малова в 1980 году. Но это не семейная реликвия, в том смысле, что Анне Леонидовне книжка досталась не от ее матери — Марии Петровны Троицкой (Ветберг), а вот каким окольным путем.

Николай Петрович Остроумов был с одной стороны коллегой (точнее — начальником) автора книжки, хорошо знал по долгу службы и А. Е. Малова, и Кауфмана (книжку про него написал), и всех, кого только можно было... С другой стороны, он был учеником Казанского богослова о. Евфимия Малова, до своего назначения в Ташкент инспектором народных училищ. Отец Евфимий был апологетом радикального (насильственного) крещения мусульман Российской Империи в православие. Наш же о. Андрей миссионерством не занимался, чем очень способствовал фон Кауфману в его взвешенной политике. Вот, я думаю, Остроумов, большой почитатель Константина Петровича и послал экземпляр с намеком.

Ну, послал и послал — однако ж я говорил, что не в букинистической лавке это купил. Сергей Ефимович Малов, сын о. Евфимия, который этот экземпляр унаследовал, был востоковедом, членкорром АН СССР и... учителем и начальником профессора-востоковеда А. Л. Троицкой в ЛГУ. Оба, кстати, жизни посвятили изучению Средней Азии. Вот какой круг замкнулся!

Почти все имена — энциклопедические, поэтому я не затруднял себя и читателей лишними жизнеописаниями».

[2] Русский Паломник № 1 1888 года, №№ 7, 8, 9, и 31-й 1889 года.

[3] Почтенная Елизавета Андреевна служит и теперь опорой старости своего отца.

[4] Записки полковника Сялковского отосланы для напечатания в «Военный Сборник». Рукопись была любезно сообщена мне для прочтения, дочерью покойного ветерана Ю.Г. Коноваловую.

[5] Популярнейший среди жителей человек, батюшка зовется всем Ташкентом не иначе как «Дедушка Малов».

[6] О. Малов незадолго до своего юбилея отослал крест и евангелие, украшенные бирюзой и бывшие с ним во всех походах в день батальонного праздника, в IV Туркестанский батальон.

[7] Рассказы о славных подвигах о. Малова передаются в войсках преемственно, старшими и новобранцами чувство благоговейного почтения к нему не остывает. Каждая партия солдат,

прослуживших в Ташкенте определенный срок, при возвращении на родину считает обязанностью своею запастись портретами о. Малова, как сообщил мне ташкентский фотограф г. Снельман.